

На столике лежала депеша — видимо, её доставили в отсутствие Лю Сяня. На ней красовалась печать Особняка великого генерала, это было домашнее письмо, которое присылали каждый месяц.

Янь Ляна разбудили, чтобы напоить лекарством. Вид у него был вполне бодрый, и он с улыбкой посмотрел на Лю Сяня:

— Благодарю тебя, Цзяцзя.

Лю Сянь чуть изогнул губы:

— Сколько ещё пробудет Цзинчжэнь? Боюсь, мне придётся встречать здесь Новый год. Впрочем, Цзыюнь через несколько дней уже вернётся.

Он скосил глаза на лежавшее на столе письмо:

— Если Цзинчжэнь никуда не спешит, можем отправиться вместе...

— Нет.

Янь Лян запрокинул голову и разом осушил пиалу. Отвар оказался горяковат, в комнате было душно, и на лбу сразу выступила испарина.

— До чего же горький...

— Я убрал полынный сок. — Лю Сянь выглядел человеком, готовым взять на себя ответственность за своё творение, и сунул Янь Ляну в рот засахаренную сливу.

Кислинка растеклась во рту, а онемевший от горечи кончик языка лишь спустя долгое время распробовал сладковатую мякоть.

— ...

Янь Лян поистине не знал, что и сказать. С чего он вдруг поднял такую панику, словно матушка родная?

— Почему это нет?

Лю Сянь протянул ещё одну сливу. Цзинчжэнь подумал и решил больше не спорить. Он послушно разжал губы, ничуть не задумываясь о том, как со стороны выглядит подобная близость между ними. Они давно уже к этому привыкли.

Два года назад во время той тяжелой болезни Лю Сянь спал с Янь Лянем на одном ложе — исключительно ради того, чтобы ухаживать за ним круглые сутки. Тогда у Янь Ляня не спадал жар, в бреду он нёс всякую чушь, совсем не чувствуя ни холода, ни тепла. Лю Сянь потерял голову от страха и обрёл покой лишь тогда, когда больной оказался прямо перед его глазами.

— Император хочет воспользоваться передислокацией войск, чтобы заново выстроить всю систему обороны, — невнятно пробормотал Янь Лян. Слива мешала говорить чётко.

Они сидели очень близко, и Лю Сянь смутно уловил сладковатый запах.

— Помоги мне во всём разобраться...

Хоть это и называлось помощью в расчётах, Лю Сянь прекрасно знал, что в конце концов все силы на это положит один Янь Лян.

— В документах о передислокации об этом не упоминается. — Лю Сянь нахмурился. Хотя нынешнее положение рода Янь в столице казалось безупречным, но... — Ты привёз с собой императорский указ с планом обороны?

Янь Лян кивнул:

— Указ я получил на Горе Ханьшань. В письме не стал писать об этом, думая рассказать всё при личной встрече.

Лю Сянь не стал заикливаться на этом, его заботило другое:

— Твоему здоровью это не повредит?

Янь Лян махнул рукой:

— Чему быть, того не миновать. Раз могу тебе помочь — помогу, а то лежать целыми днями тоже надоело... Да, кстати, я ведь хотел погостить у тебя ещё какое-то время, а то старый монах Хуэйцзи только и делает, что заставляет меня постигать Буддийскую Кость...

— Буддийскую Кость?

— Ну да, ту самую, что замучил император Тай-цзун при строительстве храма Чжантайсы. Ты же знаешь, говорят, она способна проследивать круговорот перерождений и постигать небесный путь.

— Мм. — Лю Сянь вспомнил истории, которые рассказывали старшие в его детстве. — Побудь у

меня эти дни. Завтра будет хорошая погода, отведу тебя покататься на коньках по льду. Здесь все местные жители так развлекаются, съездим, поглядишь.

— С удовольствием!

— Виды здесь чудесные, чайки совсем не боятся людей, будут кружить вокруг тебя. Завтра оденешься теплее.

— Без проблем, без проблем!

Лю Сянь тоже воодушевился и с улыбкой принялся рассказывать Янь Ляну о зимних пейзажах Шочжоу. Янь Лян слушал с замиранием сердца, и в его глазах вспыхнул живой блеск.

Они склонились друг к другу, и Лю Сянь говорил сегодня куда больше обычного. Дружья встретились после долгой разлуки, и их ночная беседа всё никак не кончалась.

Лишь когда Лю Сянь подробно рассказал Янь Ляну о положении дел во всех гарнизонах Шочжоу, наступил глубокий час ночи.

Уложив Янь Ляна спать, Лю Сянь вспомнил о так и не распечатанном домашнем письме.

Всё как обычно: наставления Ли Чжиянь, расспросы о Лю Ши и просьба поскорее вернуться домой.

...Что ты думаешь о сватовстве, о котором я говорила тебе в прошлый раз? В прошлом месяце на женском пиру во дворце матушка видела княжну Лохуай, очень ладная девица, у императрицы всегда хороший вкус...

Дочитав до этого места, Лю Сянь замер. Братья его лет уже давно обзавелись семьями, к тому же он сам уже обрёл собственный особняк, и теперь ему следовало взять в жёны женщину, которая обустроила бы семейный очаг и позаботилась о домашнем уюте, а заодно помогала бы ему проявлять сыновнюю заботу о матери.

В памяти внезапно всплыл человек, с которым он только что сидел рядом.

Но ведь тот старше него на целых шесть лет.

Взгляд Лю Сяня помрачнел, словно он вспомнил что-то. В прошлые годы до него доходили слухи, что род Янь подыскивает пару для Цзинчжэня, но даже если находились благородные девицы, восхищавшиеся им и желавшие выйти за него замуж, родители не давали на это согласия.

Ему, судя по всему, в этой жизни выпало...

Лю Сянь свернул письмо, растер тушь и привычно набросал в ответ несколько дежурных фраз, назначил время возвращения Лю Ши в столицу, а в самом конце письма по поводу собственного брака приписал лишь одно: Пусть матушка решает сама.

<http://bllate.org/book/24919/2948821>